ПИФАГОРЕЙСКИЕ ЗОЛОТЫЕ СТИХИ

С КОММЕНТАРИЕМ ГИЕРОКЛА

Сборник

Пифагорейские Золотые стихи с комментарием Гиерокла

«ИП Карелин»

2014

Сборник

Пифагорейские Золотые стихи с комментарием Гиерокла / Сборник — «ИП Карелин», 2014

«Пифагорейские Золотые стихи» – уникальный источник, дошедший до нас через многие века, который содержит учение пифагорейской школы в его первоначальной чистоте. «Золотые стихи» – это свод заповедей времен древнего пифагореизма. В емкой символической форме в них излагаются основы правильного образа жизни и пути к божественной мудрости. Большой интерес представляет «Комментарий к Пифагорейским Золотым стихам» неоплатоника Гиерокла (начало V в. н. э.). Гиерокл, основоположник александрийского неоплатонизма, раскрывает содержание «Золотых стихов» с позиций эклектической философии в русле неоплатонического и пифагорейского учений. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Сборник, 2014
© ИП Карелин, 2014

Содержание

Пифагорейские Золотые стихи 5
ГИЕРОКЛ. КОММЕНТАРИЙ К ПИФАГОРЕЙСКИМ ЗОЛОТЫМ СТИХАМ 7
I. 1 8
II. 2 11
III. 3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Пифагорейские Золотые стихи с комментарием Гиерокла

Переводчик выражает глубокую благодарность Эдуарду Григорьевичу Юнцу за ценные замечания, сделанные в процессе работы.

Пифагорейские Золотые стихи

Прежде всего почитай бессмертных богов, соблюдая
Их старшинство согласно закону, и верным будь клятве,
Славных героев, подземных демонов чти по закону,
Мать и отца уважай, проявляй внимание к ближним,
5 С теми, кто доблестью всех превосходит, поддерживай
дружбу.
Делать старайся полезное людям и следуй советам.
Не обижайся, сколь можешь, на друга за мелкий
проступок:
Где, как известно, необходимость, там и возможность.
Все это так и запомни. И не предавайся обжорству,
1 °Сон ограничь, научись обуздывать гнев и желанья.
Не совершай ни сам, ни с другими постыдных деяний,
Пусть – что важнее всего – твоим главным судьей
станет совесть.
Быть всегда в словах и поступках стремись
справедливым
И никогда старайся себя не вести безрассудно,
15 Но запомни, что неотвратима для смертных кончина
И что богатство то прибывает, то убывает.
Смертным по воле богов могут выпасть на долю
страданья —
Ропот смири на судьбу, каким бы ни был твой жребий,
И утешенье себе постарайся найти, если можешь.
20 Помни, что честные люди подвержены меньше невзгодам.
Много люди слышат и добрых и злых разговоров —
Веры слепой не питай, но и не оставляй без вниманья,
Не раздражайся, узнав, что обман принимают за правду.
То же, что я говорю, всегда исполнить старайся:
25 Веры к тому не имей, чьи слова и дела ненадежны,
Сам же лишь то говори, что сочтешь из всего
наилучшим.
Прежде чем делать, подумай, иначе получится глупо.
Бедные люди ведут себя порой неразумно,
Ты же делай лишь то, о чем сокрушаться не будешь.
30 Не занимайся тем делом, в котором ты необразован,
Но изучай то, что нужно, и жизнь твоя будет прекрасной.
Должно оставить беспечность, коль дело пойдет
о здоровье.

Меру важно во всем соблюдать – в еде и напитках
И в упражненьях для тела, и мера есть то, что
не в тягость.
35 Образ жизни старайся вести нероскошный и чистый,
Остерегайся деяний, которые вызовут зависть.
Не допускай непомерных расходов, как низкий душою,
Но и не слишком скупись. Основа всего – это мера.
Все дела сначала обдумай, чтоб не было хуже.
40 В успокоительный сон не должно тебе погружаться,
Прежде чем снова не вспомнишь о каждом
сегодняшнем деле:
В чем провинился? Что смог совершить? И чего
не исполнил?
Перебери все в уме, начиная сначала, и после
Радуйся добрым делам и себя укоряй за дурные.
45 Так поступай и усвой, к чему ты должен стремиться,
Так ты найдешь пути достиженья божественных качеств.
Именем клятву даю открывшего нам четверицу,
Неиссякаемой жизни источник. Берись за работу,
Лишь помолившись богам о ее окончании. Помни,
50 Так мирозданья бессмертных и смертных устройство
постигнешь,
Что в вещах преходяще и что в вещах неизменно,
Всюду познаешь, насколько возможно, единство природы,
Мысли пустые оставишь и скрытое прежде откроешь.
Станет понятно: несчастные люди приносят страданья
55 Сами себе, они слепы и глухи, хотя им доступен
Путь совершенства, и мало кто знает спасенье
от бедствий.
Эта несчастная участь лишает смертных рассудка,
Злая судьба постоянно бросает их с места на место.
Скрытый раздор, этим людям присущий, сопутствуя
бедам,
60 Губит их. Не вызывай его, но избегай, уклоняясь.
Зевс, отец! Поистине ты уберег бы от бедствий,
Если б раскрыл у каждого высшей природы начало!
Ты же будь твердым: божественный род присутствует
в смертных,
Им, возвещая, священная все открывает природа.
65 Если не чуждо это тебе, ты наказы исполнишь,
Душу свою исцелишь и от множества бедствий
избавишь.
Яства, сказал я, оставь те, что я указал в очищеньях
И в избавленье души, ко всему подходи с размышленьем
И руководствуйся подлинным знанием – лучшим
возничим.
70 Если ты, тело покинув, в свободный эфир вознесешься,
Станешь нетленным и вечным и смерти не знающим
богом.

ГИЕРОКЛ. КОММЕНТАРИЙ К ПИФАГОРЕЙСКИМ ЗОЛОТЫМ СТИХАМ

Философия – это очищение и совершенствование человеческой жизни; очищение от неразумия материи и смертного тела, и совершенствование как возвращение блаженства, возвышающее человека до божественного подобия. Путь к этому – добродетель, которая избавляет от неуравновешенности переживаний, и истина, сообщающая одаренным людям божественный образ. Поэтому в отношении философии, нацеленной на наше очищение и совершенствование, должны существовать краткие правила, точные определения, чтобы мы по порядку и верным путем достигли предела благоденствия. Важнейшими из таких правил, относящихся к философии в целом, мы считаем пифагорейские стихи, справедливо называемые «Золотыми». Эти общие наставления охватывают всю практическую и теоретическую философию и показывают, как стать доблестным и истинным, очиститься и уподобиться божеству и, как говорит платоновский Тимей[1], точно передающий пифагорейское учение, став целым и совершенным, вернуться к идее первоначального состояния.

Пифагорейские стихи начинаются с наставлений в практической добродетели. Сначала нужно привести в порядок наше неразумие и беспечность, затем приступить к познанию божественного. И подобно тому, как невозможно больными глазами смотреть на яркий свет, так для души, чуждой добродетели, бесполезно искать свое отражение в сиянии истины, ибо нельзя нечистому постигнуть чистое. Практическая философия дает добродетель, умозрительная философия – истину; в этих стихах практическая философия также называется добродетелью человека, теоретическая философия воспевает в них божественное совершенство, и вывод о значении общественных деяний гласит:

> Так поступай и усвой, к чему ты должен стремиться,
> Так ты найдешь пути достиженья божественных
> качеств.[2]

Итак, сначала нужно стать человеком, а потом богом. Гражданские добродетели делают человека благородным, а знания, ведущие к божественному совершенству, богоподобным. При восхождении малое предшествует великому, так же и наставления в добродетели в начале пифагорейских стихов учат нас восходить от добродетельной жизни к божественному подобию. Стихи построены так, чтобы, прежде чем открывать другие книги, читатели увидели существо философии. Стихи названы «Золотыми», потому что они прекрасны и божественны, как, различая века по содержанию, золотым веком мы называем время, когда жили самые великие люди. Золото есть нечто подлинное, без примеси земли, как и родственные ему серебро, медь и железо, из которых золото, не покрываясь ржавчиной, выделяется своей природой, прочие же превращаются в ржавчину, соединяясь с землей. Если понимать под ржавчиной порочность, то праведный, чистый век и непорочный характер справедливо называют золотыми. Также и этим стихам дали название «Золотых» и «Божественных», потому что все в них прекрасно. В них не так, как в других стихах, где одно удачно, а другое плохо, но во всем равно проявляется чистота, ведущая к божественному подобию и открывающая высшую цель пифагорейской философии, как станет ясно в подробном объяснении. Так что начнем сначала.

---

[1] Платон. Тимей, 42 b.

[2] Пифагорейские Золотые стихи, строки 45–46.

I. 1

Прежде всего почитай бессмертных богов, соблюдая
Их старшинство согласно закону…

Поскольку главная добродетель – определенное божественной природой благочестие, то в стихах на первом месте по праву стоят наставления в благочестии: как почитать существующих внутри мира богов соответственно их порядку, установленному законом демиурга – законом, который определил также и их сущность и поместил одних богов в первую небесную сферу, других во вторую и прочих – в третью, расположив их так, что они заполнили весь небесный свод. Знать и почитать их в порядке, определенном их создателем и творцом, значит, следуя божественному закону, воздавать им истинный почет и не преувеличивать и не преуменьшать их значение, но считать их тем, чем они являются на самом деле, видеть, какое место они занимают, и относить оказываемое им поклонение к производящему их божеству, которое справедливо можно назвать богом богов, богом самым великим и могучим. Мы лишь тогда поймем истинное значение творца мира и всемогущего бога, когда признаем, что он есть причина богов и создатель неизменных мысленных сущностей. Поэтому в стихах бессмертными богами названы сущности, постоянно обращенные мыслью к богу-творцу, вечно устремленные к его благу, нераздельные от него, для которых он – вечный источник существования и блаженства и которые суть недоступные страстям и порокам образы производящей их творческой причины. Ибо достойно бога давать бытие таким его образам, но не мысленным творениям последнего порядка, подверженным изменениям и возбужденным пороком, какими являются человеческие души, а сущностям высшего порядка – бессмертным богам. Вероятно[3], их назвали бессмертными богами в противоположность человеческим душам, поскольку они не умирают для блаженства божественной жизни и не предают забвению ни свою сущность, ни благость их отца. Таким превратностям подвержена человеческая душа, которая то помышляет о боге и возвращает свое достоинство, то отпадает от них. Поэтому человеческие души можно справедливо назвать смертными богами, ибо они то погибают для блаженной жизни, оставляя бога и отправляясь в изгнание, то оживают для блаженства, возвращаясь к богу; они умирают в первом случае и живут блаженной жизнью в последнем (ибо бессмертная сущность может быть причастна к смерти), но не переходя в небытие, а отступая от блаженного бытия. Смерть разумной сущности есть лишенность бога и ума, влекущая за собой в жизни чрезмерное возбуждение страстей. Незнание блага делает нас рабами зла, и освободиться от него можно лишь вновь обратившись мыслью к уму и богу. Но между так называемыми бессмертными богами и, как мы сказали, смертными богами должен быть еще некий род, более ценный, чем род людей, но уступающий богам, который связывает эти две крайности друг с другом, так чтобы вся область разумных сущностей воспринималась как нечто единое и стройное. Это среднее звено обладает некоторым знанием о боге, и это знание не является неизменным и постоянным. Этот средний род вечно познает бога, обращаясь к нему с разных сторон, и одних он превосходит, другим уступает. Это постоянное состояние мышления ставит его выше человеческого рода; в том же, что его мышление изменчиво, этот род уступает богам, находясь по своей природе посередине между ними. Этот особый род не возвысился над людьми и не выделился из богов, опустившись по причине своей бездеятельности на ступень ниже. Ибо бог-творец установил первую, вторую и третью сущности, различающиеся своей природой, которые не смешиваются друг с другом и не перемещаются со ступени на ступень в зависимости от своих хороших или дурных качеств, ибо то, что навечно установлено в соответствии с сущностью, в свойственном

[3] Текст испорчен.

этому порядке различается по родам и построено согласно с творящими причинами. И как там порядок обладает первой, средней и последней ступенью совершенной мудрости (это и есть существование мудрости, заключающееся в том, что она создает свои творения упорядоченно и самым совершенным образом, так что мудрость сочетается с упорядоченностью и совершенством), так и здесь то, что возникает по первой мысли бога, должно быть первым в мироздании; то, что возникает по его менее совершенной мысли, должно занимать среднее место; то же, что соответствует пределу мышления, должно быть на последнем месте среди разумных творений. И вся эта мысленная система, как и соответствующее ее природе бессмертное тело, есть образ целого бога-творца. То, что в мироздании является первым, есть чистый образ самого высокого в мире мысленном; то, что здесь является средним, есть образ среднего там; и то, что среди разумных существ занимает третье и последнее место, есть образ предела божественной сущности в мире мысленном. В пифагорейских стихах первый род называется бессмертными богами, второй – славными героями и последний род – подземными демонами, как мы увидим чуть позже.

Но вернемся к главному. Что такое закон? Каков соответствующий ему порядок и подобающая порядку честь? Закон – это ум-демиург и божественная воля, которая постоянно производит и вечно сохраняет все, что есть в мире. Законный порядок – это то, что устроено, как и бессмертные боги, отцом и создателем мира, и этот порядок одних богов делает главными, других второстепенными. Хотя во всем мысленном мироздании богам досталась самая высокая судьба, все они различны, и им в разной степени присущи божественные качества. На их место соответственно их сущности указывает порядок небесных сфер, также расположенных соответственно их существу и значению, ибо их сущность и есть закон мироздания, и порядок небесных сфер отражает их ценность. Неверно думать, будто они сперва возникли как попало и лишь потом приобрели отличия друг от друга. Напротив, они пришли к бытию упорядоченно, подобно тому как части в едином живом существе, совершенном небе, различны и вместе с тем, соприкасаясь друг с другом, разделяются по видам и сохраняют свой порядок, так что невозможно представить, чтобы этот порядок изменился, ибо это равносильно его разрушению. И это не может случиться, пока их первопричина остается неизменной и постоянной, пока ей по природе свойственна такая же деятельность. Благость первопричины не приобретенная, но присуща ей изначально, и она ведет все существующее к блаженству. И нет другой разумной причины сотворения богом мира, кроме присущей ему благости. Ибо он благ, как говорит он[4], и благому чужда зависть. Прочие причины сотворения этого мира, называемые помимо благости, больше подходят для человеческих обстоятельств, чем для бога. Будучи благим по своей сущности, бог своей природой произвел прежде всего творения, в наибольшей степени ему подобные; затем – творения, обладающие меньшим подобием; и третьим и последним из всего, что достойно быть его творением, он произвел творения, в наименьшей степени ему подобные. Сущности сотворенного мира изначально был свойственен порядок, ибо то, что выделялось своей природой, оказалось впереди того, что было хуже – как в устройстве мира в целом, так и в разделении родов на виды. Порядок возник в мире не случайно и не в результате изменения его первоначального устройства – неравенство возникло по законам творения, и порядок, волей судьбы доставшийся миру, отражает ценность его природных свойств. Поэтому слова «почитай… соблюдая их старшинство согласно закону» следует относить в целом как к бессмертным богам, так и к славным героям и человеческим душам. И каждый род включает множество видов, занимающих те места, которые соответствуют их качествам. Такова природа и порядок разумных сущностей.

Каков же закон и подобающая ему честь? Повторяю: закон – это неизменная творческая деятельность бога, порождающая богов и сообщающая им вечный и неизменный порядок.

[4] Вероятно, Гиерокл говорит о Пифагоре.

Подобающая закону честь – это познание сущности того, чему воздается почет, и посильное уподобление этому. Ибо чем восхищаются, тому и подражают, насколько возможно, и почитание того, у кого ни в чем нет недостатка, – это восприятие исходящего от него добра. Ты почтишь бога лучше всего не принося ему жертвы, но становясь достойным постигнуть то, для чего он является источником. Как говорят пифагорейцы, ты почтишь бога наилучшим образом, если уподобишься ему духом, и всякий, кто, воздавая почет, обращается к богу как к существу ограниченному, неумышленно ставит себя выше него, и роскошные дары есть почитание бога лишь тогда, когда их приносят с мыслями, обращенными к богу. Дары и жертвы безумных – это пища огня, и их приношения – добыча для осквернителей храмов, но благочестивый ум, неизменно твердый, соединяет нас с богом. Подобное неизбежно стремится к подобному, поэтому говорят, что только мудрец – священник, только он любезен богу, только он умеет молиться. И только тот умеет воздавать почет, кто не умаляет достоинства того, что он почитает, кто жертвует в первую очередь себя, кто превращает свою душу в божественный образ, кто готовит свой ум, как храм, для принятия божественного света. Найдется ли в жизни другой материальный предмет, который ты мог бы превратить в божественный образ? Найдешь ли ты другую жертву, способную к единению с богом? Именно это свойственно прошедшей очищение разумной сущности. Как говорят те же философы, нет на земле лучшего места для бога, чем чистая душа. С этим согласуются и слова Пифийца[5]:

Праведным смертным я радуюсь так же, как и Олимпу.

Благочестив тот, кто обладает божественным знанием, кто посвящает виновникам благ, как лучший дар, свое совершенство, кто из стремления обладать благами обращается к тем, кто их предоставляет, и почитает вечно дарующих блага тем, что делает себя способным воспринимать их. Тот же, кто почитает божество не посвящая ему себя, подносит ему в дар бесполезное внешнее богатство, но не свою личную добродетель, даря то, что не имеет к добродетели отношения. Честный человек примет богатство с радостью только тогда, когда его предлагают от чистого сердца. Об этом опять же есть изречение Пифийца. Человеку, который принес большую жертву без благочестия и спросил, угодны ли богу такие дары, бог ответил:

Предпочитаю от славного гермионийца крупинку.

Он предпочел такой роскоши самое простое, ибо оно украшено благочестивой мыслью. С ней все угодно богу, без нее богу не может быть угодно ничто. Теперь о благочестии и порядочности сказано достаточно. Поскольку закон мироздания надежно сохраняется, а его стража древние иносказательно называли клятвой, то естественно за вышесказанным, как следствие этого, сочинение прибавляет призыв относительно клятвы.

[5] Аполлон Пифийский.

II. 2

…и верным будь клятве…

Выше мы показали, что закон есть деятельность бога, пребывающая вечно неизменной, которая постоянно приводит все существующее к бытию. Теперь соответственно закону мы можем назвать клятвой причину, поддерживающую мир в неизменном состоянии и таким образом скрепляющую его, поскольку связанное верностью клятве сохраняет законный порядок, так что неизменность благого порядка творения является результатом творящего закона. Главное дело божественной клятвы – сохранение неизменности мира, как это предписано законом, и клятва лучше всего соблюдается теми, кто постоянно мыслит бога. Если же кто-либо то обращен мыслью к богу, то уклоняется от божественного знания, то в этом случае он также нарушает и клятву, и те, кто вновь обращается к богу, снова соблюдают клятву. Соблюдение божественных законов здесь называется клятвой, связывающей с богом-творцом и ставящей в зависимость от него все то, что по своей природе способно его познавать. То, что всегда следует богу, всегда соблюдает клятву; то же, что иногда отступает от него, проявляет нечестивость по отношению к клятве, не только нарушая установленный божественным законом порядок, но и подрывая веру в божественную клятву. Такова присущая разумным творениям клятва, обязующая следовать своему творцу и создателю и не нарушать установленные им законы. Клятва же в обычной жизни есть след той клятвы, и она направляет к истине тех, кто употребляет ее должным образом. Двусмысленное в людских стремлениях она делает определенным, заставляет быть последовательным в словах и делах, открывая подлинное в совершившемся и требуя постоянства в том, что еще только должно совершиться. Поэтому следует более всего почитать клятву, являющуюся первой по своей сущности, ибо она сохраняет вечность, и человеческую клятву, как ее образ, помогающую в людских делах, которая после той клятвы сохраняет для нас постоянство и истину и сообщает благородный характер почитающим ее так, как должно. Почитанием клятвы может быть только неуклонное, насколько возможно, ее соблюдение, которое приобщает, как добровольно выбранная судьба, почитающих клятву к божественным качествам постоянства и истины. Верность первой и неизреченной клятве могут вновь обрести обращением к богу те, кто искупает нарушение божественной клятвы очищающими добродетелями, а нерушимость клятвы, относящейся к повседневным делам, сохраняют гражданские добродетели. Только обладающие ими могут сохранить верность клятве в житейских делах, а порок, отец клятвопреступления, пренебрегает клятвой из-за непостоянства нрава. Действительно, как жадный к деньгам может почитать клятву, накапливая и тратя деньги? Может ли невоздержанный или трусливый человек сохранять верность клятве? И если каждый из них увидит преимущества в своих недостатках, не откажется ли он от почитания клятвы, променяв божественные качества на смертные и тленные? У тех же, кто в полной мере наделен добродетелями, почитание клятвы может сохраняться лучше всего. Лучший способ соблюдать почитание клятвы – не употреблять ее слишком часто и беспорядочно, или по случайным поводам, или когда приходится к слову, или для подтверждения рассказа, но обращаться к ней, по возможности, в крайних и важных случаях, тогда, когда нет другого доказательства правды кроме истинности клятвы. Собеседники поверят нам, если наше поведение будет соответствовать клятве и если ни у кого не останется сомнений, что дела человеческие не окажутся для нас более важными, чем истина, независимо от того, дадим ли мы в этом клятву или нет. Слова «Верным будь клятве» предписывают не только соблюдать клятву, но и воздерживаться от нее. Мы соблюдем верность клятве, если не будем злоупотреблять ею. Частое обращение к клятве легко переходит в клятвопреступление, почитание клятвы сопутствует сдержанности в ее употреблении. Пусть человек либо не клянется, либо, если клянется, пусть соблюдает клятву, и

язык не будет по привычке опережать разум, и рассудок не будет помрачен из-за несдержанности чувств. Эту привычку исправит добрый нрав, и от неумеренности чувств избавит воздержание от клятвы. Почитанию богов, о котором говорилось выше, должна сопутствовать святость клятвы, как неизменное свойство и спутник благочестия, и сама клятва есть страж божественного закона для всего мироздания. Итак, уважай закон, следуя его порядку, и почитай клятву, не пользуясь ей необдуманно, с тем чтобы, перестав обращаться к ней, ты привык соблюдать ее. Ибо почитание клятвы – важная часть благочестия. Вот и все о первом роде высших существ, о божественном законе, который предшествует мирозданию, и о сопутствующей ему клятве. Поскольку следующий после богов род, который мы называем ангельским, следует почитать на втором месте, сочинение добавляет:

III. 3

Славных героев…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.